

Почему же князь для автора „Моления“ все-таки положительная фигура? Князь может своей властью вызволить зависимого человека из нищеты, поднять его по лестнице социальных отношений, защитить от произвола богатых.

Князь вместе с тем защитник родины от внешних врагов, и не случайно „Моление“ в одной из редакций заканчивается похвалой князю, соединенной с мольбой к богу о защите Руси от врагов: „Силу князю нашему укрепи; ленивые утверди; вложи ярость страшливым в сердце. Не дай же, господи, в полон земли нашей языком, незнающим бога, да не рекут иноплеменницы: «где есть бог их?». Бог же наш на небеси и на земли. Подай же им, господи, Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифово целомудрие, Соломону мудрость, Давидову кротость, умножи люди своя во веки под державою твоею, да ты славит вся страна и всяко дыхание человече“.¹

Мы знаем, что в XII и XIII веках княжеская власть пользовалась активной поддержкой зависимых слоев населения в ее борьбе с боярством. Так было в Галицко-Волынской земле и особенно во Владимиро-Суздальской.

Однако при всей „демократичности“ идейных позиций автора „Моления“ мы не стали бы называть их „народными“ в той же мере, в какой мы называем народными идейные позиции автора „Слова о полку Игореве“. Для этого позиции автора „Моления“ были связаны со слишком узкими, временными и местными задачами. Понятие Родины отнесено в его произведении на второй план. Его кругозор ограничен, и идеалы затемнены слишком личными интересами. Однако элементы народности несомненно присутствуют в „Молении“ — в его идейном содержании, как это мы увидим ниже, в его художественной основе. Обе эти стороны слиты в „Молении“ и представляют собой нерасторжимое единство. Но как в содержании „Моления“ его народность выступает в некотором ограничении, так и в его художественной основе она также отчасти ограничена.

Если автор „Слова о полку Игореве“ черпает свои художественные средства из народной лирики и народной исторической песни, то автор „Моления“ гораздо больше связан с поэзией профессиональных скоморохов. Это и не случайно. Автор „Моления“ „служит“ у князя, он и связан главным образом с этим своим положением у князя. Его идеология ограничена как раз этим его положением у князя. Он „зависимый“ человек не только юридически и материально, но до известной степени и идейно. Очень может быть, что именно этим обусловлена стилистическая связь его произведения с искусством той группы скоморохов, которая также принадлежала к числу княжеских „милостников“.

В дальнейшем мы обратим главное внимание на самую устойчивую сторону „Моления“ в его различных редакциях — на его стиль. Отдельные высказывания автора „Моления“ о своем положении слишком неопределенны для того, чтобы можно было с полной уверенностью решить, к какой категории зависимых людей он относится. Здесь много зависело от вставок, доработок и переделок, учесть которые за те почти пятьсот лет, которые отделяют время его создания от времени написания дошедших до нас списков, почти невозможно. Зато определенность стиля многое позволяет разгадать и в самой идейной сущ-

¹ Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 73 (редакция XIII в., Чудовский список; ср. Ундольский список и редакцию XII в. — списки Кирилло-Белозерский и др.).